

В конце семидесятых Александр Николаевич Житинский, рецензируя мои ранние стихи, написал: «Знаете ли Вы такого поэта Ходасевича? Это очень хороший, жёсткий и точный поэт. Это [ваше] стихотворение напоминает некоторые его стихи...». Поэта Ходасевича я тогда не знал, и эту фамилию услышал впервые. Тем не менее, мне удалось каким-то образом раздобыть его сборник «Тяжёлая лира» и перепечатать для себя наиболее интересные его стихотворения. Так состоялось моё первое знакомство с поэзией Владислава Ходасевича. Спустя десять лет издательство «Искусство» 50-ти тысячным тиражом выпустило под одной обложкой три главные книги поэта: «Путём зерна», «Тяжёлая лира», «Европейская ночь».

«Тяжёлая лира» вне всякого сомнения – главная и лучшая поэтическая книга Ходасевича. И хотя в ней ещё попадаются стихотворения, продолжающие стилистику предыдущей книги «Путём зерна», основной корпус стихов несёт совсем другие темы и мысли.

Я помню, как сильно поразило меня стихотворение «Автомобиль». Простой, казалось бы, приём – инверсии – вдруг переворачивает образ автомобиля и наполняет его каким-то жутким, inferнальным смыслом. Но сначала автомобиль с «певучим зовом» появляется из-за угла в поле зрения поэта:

*Он чёрным лаком отликает, // Сияя гранями стекла,  
Он в сумрак ночи простирает // Два белых ангельских крыла.  
И стали здания похожи // На праздничные стены зал...*

Появившийся автомобиль приносит ощущение праздника в сырую мгlistую ночь. Его зов – это зов в какую-то лучшую светлую жизнь. Но вот автомобиль исчез за углом, вместе с обещаниями счастья, и воображение поэта рисует совсем другой автомобиль – антипод-негатив.

*Он пробегает в ясном свете, // он пробегает белым днём, И два крыла на нём, как эти, // Но крылья чёрные на нём.*

Этот жуткий автомобиль-негатив, словно вынырнул из параллельного пространства. Это – автомобиль-демон, и сила его чёрных крыльев напитана тёмной энергией. «Чёрный сноп его лучей» – выжигает из памяти поэта и из его реального мира светлые мгновения бытия.

Два разных автомобиля – светлый и тёмный – появляются в стихотворении, выезжают словно бы из параллельных миров, на мгновение задев своими лучами реальный мир поэта, мир в котором он живёт и страдает.

В стихотворении «Баллада» – программном стихотворении книги, и не случайно именно им Ходасевич завершает её, – иной мир появляется не сразу. Ему предшествуют раскачивания и заклинания. Что-то шаманское слышится в строках баллады

*И музыка, музыка, музыка // Вплетается в пенье моё.*

*И узкое, узкое, узкое // Пронзает меня лезвиё.*

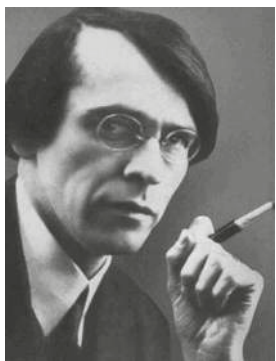
И происходит чудесное преображение и поэта, и мира вокруг него. Круглая комната с тусклой лампочкой в «шестнадцать свечей» разрывается словно кокон, чтобы выпустить наружу новый мир, рождающийся внутри поэта, мир, который разбрасывает штукатурку потолка и стекла морозных окон.

*Я сам над собой вырастаю, // над мёртвым встаю бытием, Стопами в подземное пламя, // В текущие звёзды челом.*

Меняется и словарь поэта: «стопы», «чело». Стулья, стол, кровать, часы в жилетном кармане – всё это сгорает в огне звёзд и в подземном пламени.

Позже Тарковский напишет, продолжая и развивая тему, начатую Ходасевичем. И тот же пафос зазвучит в его стихах:

*Я человек, я посредине мира, // за мною мириады инфузорий, // передо мною мириады звёзд. // Я между ними лёг во весь свой рост – // Два берега связующее море, // Два космоса соединивший мост...*



Но стихи Тарковского лишены демонического дыхания стихов Ходасевича. Это скорее научная констатация связующей функции человека, находящегося в середине масштабной сетки мира.

Ходасевич же решительно противопоставляет, сталкивает между собой два мира: мир скудного внешнего бытия и богатый внутренний мир человека – творца. В результате этого столкновения мир быта разрушен:

*На гладкие чёрные скалы // Стопы опирает – Орфей.*

Удивительно, что в стихотворении «Баллада» – при всей его возвышенной восклицательности – стоит всего один восклицательный знак после строчки: «Бессвязные, страстные речи!». Не потому ли на нём делает ударение поэт, что именно из невнятицы этих речей выкристаллизовывается Слово, которое станет разрушителем мира быта.

Стихотворению «Баллада» в книге предшествует стихотворение «Ни жить, ни петь, почти не стоит...». В нём новый мир ещё не родился, ещё не разбил скорлупу старого мира, он ещё едва угадывается поэтом. Сквозь тленное существование мира старого поэт с умилением слышит:

*В нём заключённое биенье // Совсем иного бытия.*

Это иное бытие прекрасно. Оно лишено всех язв и нищеты этого бытия. Но как попасть туда? Каким золотым ключиком отомкнуть дверь, ведущую в этот чудесный параллельный мир. Где найти черепаху, хранящую заветный ключ? И где тот нарисованный очаг? Такой ключ есть! Поэт поднимает вверх руку, и в ней трепещет цветок. Вот он – ключ!

*И я у вижу, я открою // Цветочный мир, цветочный путь, –  
О, если бы и вы со мною // Могли туда перешагнуть!*

Увы, этот путь в цветочный мир открыт не для каждого, потому что он находится внутри человека. И не у каждого он есть, и не каждый знает дорогу туда.

Ходасевич постоянно ищет и находит приметы иных миров среди мира, повседневности, который его окружает. Иногда он просто выдумывает их, как он делает это в стихотворении «Музыка», где заставляет своего соседа Сергея Ивановича прислушиваться к несуществующей далёкой музыке. Эта попытка поэта включить воображение простосердечного Сергея Ивановича, заставить его услышать неслышимое, оканчивается неудачей.

В стихах «Тяжёлой лиры» идёт постоянное распараллеливание миров: мир сна – мир яви, мир тела – мир души, мир небесного – мир земного. И вся книга, все стихи построены на конфликтности этих миров. Параллельный мир сна – мир, куда ночью улетает

душа. Утром, она возвращается и заставляет учащенно биться сердце пробудившегося поэта. Но и сама душа, вернувшись, ещё трепещет, ещё не вполне освободившись от ощущения падения с кручи. «Лёгкая моя, падучая, милая душа моя!», – восклицает поэт.

Позднее другой поэт – Глеб Горбовский – трогательно напишет о «невесомой, иллюзорной, хрупкой душеньке», ни разу не повторив определения Ходасевича, но также точно, тонко и нежно отзовется о её свойствах.

В стихотворении «Гостю» Ходасевич пишет:

*Здесь на горошине земли, // Будь или ангел, или демон.  
А человек – иль не затем он, // чтобы забыть его могли.*

Здесь совершенно чётко выражена позиция автора: только ангельские или дьявольские деяния остаются в памяти. Жестокая истина жизни: человек, в повседневном своём существовании, не открывшем в себе ни дьявола, ни Бога, обречён на забвение. Но сам поэт ещё не понял, что есть в нём от ангела, а что – от демона. Эти два мира – мир ангелов и мир демонов, постоянно приоткрывают свои окна и двери в стихах поэта, и читатель слышит дуновения из этих миров и вместе с поэтом вздрагивает, «когда нездешняя прохлада уже бежит по волосам».

А вот – обычный день: дует горячий ветер, «в ленивой прелести земной» гремят раскаты далёкой грозы, по улице маршируют солдаты... и вдруг на эту летнюю улицу, разомлевшую от зноя, выскакивают, как черти из табакерки, «юркие бесы». Словно кто-то на миг открыл портал в иное измерение, и вот они уже тут: расклеивают афиши, ловят мух, танцуют, скатываются с покатых крыш... Взору поэта на какое-то мгновение приоткрывается то, что не видят другие – бесовская суть обыденности. Мир обыденный, мир телесный – «тёмно-лазурная тюрьма» из которого постоянно силится вырваться душа. ибо у неё есть свой мир – иной, мир духовный, и только тот способен попасть туда, «кто тайное хранит на сердце слово – утешный ключ от бытия иного».

Но слово позволяет не только открыть дверь в иной мир, оно способно открыть новые стороны старого мира:

*День, раздражённый трубным рёвом, // Небес надвинутую синь  
Заворожи единым словом, // Одним движеньем отодвинь.*

Заворожив единым словом и отодвинув от себя окружающий мир обыденности, поэт закрывает глаза и вдыхает «сумрак некий», волшебные флюиды инобытия затем, чтобы открыв глаза, заново увидеть мир обновлённым, окрашенным в иные чувствен-

ные краски. Наложённый на мир внутренний, древний, хранимый в сумраке закрытых век, – мир настоящий предстаёт миражом, неким пограничным феноменом сна и яви.

Душа живёт параллельно с телом и всегда может покинуть его «взмахнув широкими крылами». Она уносится в мир духов, в своё и «родное древнее жильё», оставив человека среди деревьев Кронверкского сада брести «в ничтожестве своём».

Смерть – вот одна из дорог к счастью, к светлому миру духов. Этот парадоксальный вывод легко прочитывается в жутковатом стихотворении «Сумерки».

*«Вот человек идёт», и поэт ударяет его ножом. Человек падает в снег и «ветерка дыханье снеговое, // и вечера чуть уловимый дым – // предвестники прекрасного покоя – // свободно так закружатся над ним».*

Прекрасный покой – вот что такое смерть! Вот что дарует автор-убийца убиенному. Он отправляет его в лучший из миров – мир духов, где его душа обретёт покой и блаженство. И поэт убивает из любви!

Но нет, никому не понять поэта. *«И не поймет никто, как я его любил».* Та же мысль звучит и в другом стихотворении: *«И твёрдо знаю, что народу моих творений не понять».*

Но нужно ли поэту это понимание? Его мир вполне себе самодостаточен и замкнут. Открывающий словом свои внутренние миры и пространства, при помощи слова преображающий мир, который его окружает и который он охватывает взглядом, поэт, кажется, и не нуждается в чьём-либо понимании. Он только напоминает, что вокруг каждого человека присутствуют неведомые миры, и ключи к этим мирам разбросаны повсюду, и надо только внимательно смотреть вокруг, и тогда откроются незримые двери, откуда зазвучит неслышимая доселе музыка.